

Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров на территории Республики Мордовия

Алина Юрьевна Маслова
Татьяна Ивановна Мочалова
Мария Захаровна Левина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В работе в сопоставительном аспекте рассмотрены фразеологические единицы, передающие болезненное состояние человека в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия. Цель исследования – дать семантическую характеристику диалектных фразеологизмов, проанализировать их компонентный состав, выявить аксиологические и культурно-исторические представления диалектоносителей региона.

Материалы и методы. Для достижения цели применялись различные методы научного исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентного анализа, контекстного анализа, лингвокультурологической интерпретации. Исследование проведено на материале фразеологических словарей русских говоров Республики Мордовия, мордовских (мокшанского и эрзянского) языков.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования установлено, что в русских и мокшанских говорах Республики Мордовия активно употребляются известные с древнейших времен устойчивые сочетания, называемые недуги и их симптоматику, различные болезненные состояния человека. Выявлено, что в языках разных типов используются фразеологические единицы, включающие в свой состав соматизмы, названия различных животных, растений, предметов, что отражает особенности образного мышления человека, ассоциативного восприятия окружающей действительности. Всестороннее исследование фразеологических единиц, характеризующих болезненное состояние человека в языках разных типов на территории одного региона, способствует постижению народной ментальности, выявлению особенностей национальной языковой картины мира русского и мордовского народов, позволяет проследить общие и специфические черты каждой лингвокультурной общности.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в сопоставляемых говорах русского и мокшанского языков активно употребляются фразеологические единицы, обозначающие болезненное состояние человека и представляющие характерные черты образа болезни в различных культурах.

Ключевые слова: фразеология, фразеосемантическая группа, фразеологическая единица, значение, говоры, мокшанский язык, русский язык, сопоставление, болезнь, номинация

Для цитирования: Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., Левина М. З. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров на территории Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 160–170. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.160-170.

Введение

Диалектные фразеологизмы являются своеобразным способом отражения этнокультурного сознания народа, поскольку содержат во внутренней форме не только собственно языковую информацию, но и факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса. Особый интерес представляют фразеосочетания, употребляющиеся в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия, поскольку их образование и функционирование осуществляются в

поликультурном регионе в условиях контактирования русского и мордовского (мокшанского и эрзянского) народов, в процессе славянского и финно-угорского взаимодействия и взаимопроникновения.

Во фразеологическом фонде региона значительное место занимают фразеологические единицы (ФЕ), связанные с характеристикой болезненного состояния человека. Важно подчеркнуть, что в оценке и способах лечения болезни находят отражение рудименты архаических

явлений, восходящих к славянским и финно-угорским древностям, воссоздаются особенности, присущие только локальной традиции. Анализ фразеологии, репрезентирующей болезненные состояния человека в языках разных типов, способствует пополнению информации о специфических чертах местных ритуалов, распространенных на территории Мордовии.

Фразеосемантическая группа, номинирующая болезненное состояние человека в говорах русского и мордовских языков на территории Республики Мордовия, является многочисленной по составу и разнообразной в структурно-семантическом отношении. Как отмечает Л. С. Нечаева, «в разных национальных культурах болезни приписываются особые черты, на основании которых можно выявить интегральный образ болезни в традиционном народном сознании» [14, 12]. Цель данной работы – представить комплексный анализ фразеологических оборотов, репрезентирующих болезненное состояние человека в говорах русского и мокшанского языков. По мнению В. П. Гришуниной, Н. И. Ершовой, актуальность подобных исследований «еще более возрастает в связи с существующей сегодня угрозой исчезновения с карты Мордовии ряда как русских, так и мордовских (мокшанских, эрзянских) говоров, что может частично привести к исчезновению национальной культуры» [6, 224].

Обзор литературы

Изучение русской и мордовской диалектной фразеологии имеет давние традиции и осуществляется в разных направлениях. Лингвистическое изучение наименований болезней, способов их лечения осуществлялось на материале различных языков, в том числе в сопоставительном аспекте. Так, лексика народной медицины шугнанского языка охарактеризована в работе П. Ш. Абдулхамидовой¹. Е. В. Вельмезова, обратившись к рассмотрению семантики пространства лечебного заговора, на

примере восточнославянских, чешских и французских заговоров представила типологию формул отсылки болезни [4]. Народные названия болезней проанализированы лингвистами на материале русского [13], карельского [17] и других языков. Идиомы со значением «здоровье – нездоровье» в контексте русской фразеологии были охарактеризованы Е. И. Алещенко, Ю. Г. Фатеевой [1]. Вопросы традиционной медицины в народной культуре славян исследует С. М. Никончук [15].

Лексика народной медицины, представления человека о здоровье и болезни в речи жителей территориально замкнутого социума неоднократно становились предметом изучения языковедов, обращавшихся к разноаспектной характеристике говоров. Н. Г. Архипова в своих работах представляет осмысление концепта «Болезнь» в наивной картине мира носителя диалекта [2], рассматривает лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия [3]. В исследовании Н. С. Ганцовской народная медицинская лексика анализируется на материале костромских говоров русского языка [5], в статье Д. Н. Лоскутовой – говоров Тамбовской области [9], в работе В. М. Баденковой – говоров украинского языка². Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края раскрывает Е. Н. Ильина [7]. На материале лексики русских говоров Пермского края Л. С. Нечаева анализирует образ болезни в традиционной культуре [14]. Т. А. Трафименкова обращается к комплексному изучению терминологии болезней как объекта ономазиологического, семантико-парадигматического и лексикографического описания³, к характеристике семантического образования медицинских терминов [18]. Сравнительному исследованию лексики народной медицины в тункинском говоре бурятского языка, в частности семантической характеристике

¹ См.: Абдулхамидова П. Ш. Лексика народной медицины шугнанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2006.

² См.: Баденкова В. М. Лексика традиционной народной медицины в украинских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Запорожье, 1999.

³ См.: Трафименкова Т. А. Терминология болезней как объект ономазиологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008.

медицинской и ветеринарной терминологии, посвящена работа В. Д. Патаевой [16].

Несмотря на большое количество работ в обозначенной области, можно отметить, что системное описание диалектной лексики и фразеологии еще требует серьезного научного осмысления и представляется весьма актуальным, поскольку лексические и фразеологические системы говоров обширны, находятся в сложном взаимодействии с соседними говорами, другими контактирующими языками, кодифицированным языком. Известны лишь отдельные работы, посвященные сравнительно-сопоставительному изучению фразеологических единиц в говорах русского и мокшанского языков. В частности, в статье В. П. Гришуниной, Н. И. Ершовой анализируются фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии, особенности их семантики и структуры, причины возникновения многочисленных синонимических рядов в диалектах [6]. Классификация диалектов мокшанского языка дается в исследовании М. З. Левиной [8]. В работах А. Ю. Масловой, Т. И. Мочаловой на материале русских говоров Республики Мордовия представлено комплексное описание лексики и фразеологии, репрезентирующих болезненное состояние человека, симптомы, особенности протекания различных недугов [10–12].

Фразеосемантическое поле «Болезнь человека» имеет разветвленную структуру и представляет собой важный фрагмент внеязыковой действительности. Об этом свидетельствует обилие материала для исследований, что подчеркивает значимость данной сферы для носителей диалекта, а следовательно, актуальность ее рассмотрения на материале русских и мокшанских говоров Республики Мордовия.

Материалы и методы

В соответствии с целью и задачами в исследовании использовались описательный метод для представления материала, извлеченного в результате сплошной

выборки из фразеологических словарей; сравнительно-сопоставительный метод в процессе семантического анализа устойчивых сочетаний в разных языках; компонентный анализ фразеологизмов при установлении их системных иерархических связей и выявлении парадигматических отношений между ними; контекстный анализ при характеристике плана содержания. Кроме того, в работе применялся метод лингвокультурологической интерпретации, основанный на анализе языкового материала с привлечением сведений по истории, культуре, социальной организации рассматриваемого сообщества. ФЕ классифицированы и охарактеризованы в зависимости от наличия в их смысловой структуре интегральных и дифференциальных компонентов.

Исследование проведено на материале Фразеологического словаря русских говоров Республики Мордовия⁴, Фразеологического словаря мордовских (мокша и эрзя) языков⁵ и фразеологического словаря мокшанского языка «Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс»⁶.

Результаты исследования и их обсуждение

Для сельских жителей физическое здоровье имеет особенно важное значение, поскольку здоровый, крепкий человек может работать, содержать семью, выполнять предписанные социальные функции. Значительное место в сознании носителей исследуемых диалектов занимает ментальная оппозиция «здоровый – больной».

Здоровый, сильный, крепкий человек в русских говорах часто представлен компаративными ФЕ: *kozyрём бёгать, как бык мирской, как телёпга* – ‘о здоровом, сильном, крепком человеке’ и др.; ассоциативно он может соотноситься с мощным животным, наделяться силой, быстротой передвижения. В мокшанском диалектном ареале чаще всего здорового человека сравнивают с сильным животным или многовековым деревом: с медведем, лошастью, быком; с дубом, осиной и т. д.: *кода айгор* – ‘о

⁴ См.: Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.

⁵ См.: Ширманкина Р. С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков. Саранск, 1973.

⁶ См.: Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. Саранск, 2013.

сильном и выносливом человеке (букв.: как лошадь/жеребец)’, *о́фтонь вёрда антф* – ‘о сильном человеке (букв.: человек, накормленный медвежьей кровью)’, *пóтма вай* – ‘о здоровом человеке (букв.: человек с внутренним жиром)’ и др.

Наименования больного, хилого, болезненного человека в исследуемых диалектных системах содержат немногочисленные группы ФЕ. В русских говорах такое состояние человека ассоциируется в народном сознании с костями (*букéт костéй*), сопровождается медлительностью, сонливостью, отсутствием способности быстро передвигаться (*как со́нная грезá*); зафиксированы ФЕ и ее формальные варианты *на кречень* (*кри́чень, кры́чень, крjóчень, крест*) *сесть* со значением ‘обессилеть от болезни, старости и т. п.; стать нетрудоспособным’. Аналогично представление о больном человеке в говорах мокшанского языка, в которых он также вследствие болезни лишен сил, способности передвигаться: *эсь/ись урмáнь тáпáф* – ‘о человеке, болеющем эпилепсией (букв.: болезнью придавленный)’, *рязы-пáлы (лóмань)* – ‘о больном лежачем человеке (букв.: чахнувший сгорающий)’, *мáшитомс вййда* – ‘ослабнуть’, ‘обессилеть (букв.: иссякнуть силами)’. Если в русских говорах болезненное состояние соотносится со сном (*как со́нная грезá*), то в говорах мокшанского языка вербализуется отрешенное состояние человека, пограничное между жизнью и смертью: *аф э́рек аф ку́ла* – ‘обессиленный от болезни (о человеке) (букв.: ни живой ни мертвый)’, *аф ро́нга аф пóнда* – ‘о человеке, который отрешен от этого мира (букв.: ни костей, ни плоти)’, *аф шу́жярь аф пéнга, аф лёвож аф лёнга* – ‘по отношению к человеку, у которого непонятное состояние или из-за болезни, или из-за др. (букв.: ни солома ни полено, ни тряпка ни лыко)’.

Тяжелое физическое и душевное состояние человека воспринимается как следствие разрушительного воздействия болезни: *кида́ть в чёрную нёмочь (кого)* – в русских говорах; *аф пармо́рьсь сявозе* – ‘букв.: плохая болезнь взяла (его/ее) / нечисть одолела (его/ее)’ – в говорах мокшанского языка.

В диалектной среде широко распространены номинации человека по болезни, при этом наиболее частотны обозначения умственных отклонений. В русских говорах часто для характеристики умственно ограниченного, глуповатого человека используются ФЕ *крéпкий/крéпок на о́бух, тупо́й как косы́рь, гляди́т ро́том* – ‘о болезни человека, обозначающей умственные отклонения’, при этом многие из них строятся по модели: существительное в творительном падеже с предлогом *с* – и отражают наличие чего-то нехарактерного для человека: *с глупцо́й, с редько́й де́сять, с ду́рцо́й, с булы́зиной, с ебулы́зинкой, с тау́синой*. Зафиксированы единичные наименования человека глухого (*как тупе́ц, на ухо тяжё́лый*) или беззубого (*беззубая кандалá*).

В мокшанском языке также многочисленны ФЕ, характеризующие человека, имеющего умственные отклонения: *ба́тман пря / бэ́зьмень пря* – ‘о глуповатом человеке (букв.: пустая голова)’, *ма́траф пря* – ‘о заторможенном человеке (букв.: мятая голова)’, *ту́ма пря* – ‘о тупом бестолковом человеке (букв.: дубовая голова)’, *ту́ла пря* – ‘о безумном человеке (букв.: голова-задвигжка)’, *пéкшья пря* – ‘по отношению к человеку глупому, недалекому (букв.: голова-орешек)’, *ша́ва пря / ша́ва ёнь* – ‘букв.: пустая голова / пустая мысль’, *ша́ва кя́скафса тая́фтф* – ‘по отношению к человеку со странностями; придурковатый; недалекий (букв.: пустым мешком стукнутый)’, *ва́рма ся́канянь канни* – ‘по отношению к глупому, ветреному человеку (букв.: носит ветреный кувшин (о голове человека))’. Как видим, в народном сознании представление о недалеком человеке связано с пустым предметом, ветром, дубом.

Общеизвестно, что в мордовских языках лексема *пря* ‘голова’ входит в большое количество именных ФЕ, так как является символом мышления, умственного труда, чего-либо самого главного. Она также может употребляться для выражения противоположного значения – отклонения в умственных способностях человека в вышеупомянутых ФЕ.

В отличие от русских говоров Мордовии в мокшанских диалектах оппо-

зиция «умный – глупый», выраженная ФЕ, прослеживается более четко: особое значение уделяется уму, ловкости, хитрости человека. Например, конструкции *аф вярма сяканя лэфтувонзон лангса* – ‘букв.: не ветренный кувшин на плечах носит’, *оржа ёнь* – ‘букв.: острый, как нож, ум’ используются по отношению к человеку неглупому, сообразительному, который все быстро схватывает. Ум служит основой для образного мышления, выражения различных чувств, эмоций, поэтому и активно функционирует в ФЕ мокшанских говоров.

Болезнь меняет физическое и психологическое состояние человека, что нашло отражение в диалектной фразеологии как русских говоров, так и говоров мокшанского языка. Например, при обозначении резкого изменения внешнего облика, вызванного сильным потрясением, болезнью и т. п., в тех и других говорах употребляются ФЕ, включающие в свой состав соматизм **лицо**: *лиця не видно (на ком)*, *лиця нет* – в русском языке; *шáма ликоц аф шарькодеви* – ‘букв.: нет лица’, *шáмац кóтфокс олаф* – ‘букв.: лицо потускнело (побледнело), как полотно’, *идемэвозень шáма* – ‘о человеке, болеющем плохой болезнью (букв.: нет лица; лицо чёрта)’ – в мокшанском. В мокшанских говорах при характеристике болезненного состояния человека употребляются ФЕ *áньцек шóтоңц кáнни / áньцек шóтоңц лядсь* – ‘букв.: только мощи/скелет носит’, *вáномс áлаф вáнфса* – ‘букв.: смотреть потухшим взглядом’, *сэльMOVEDьс кáяф (лóмань)* – ‘по отношению к человеку, у которого всегда текут слезы (букв.: в слезы опрокинутый человек)’.

Общими проявлениями болезни являются слабость и недомогание, что также передается ФЕ. В русских говорах это состояние характеризуется посредством сравнения с грубым физическим воздействием: *как в мяльцы (мялку) пропустили (кого)*, отсутствием духа: *дúху нет (у кого)*, в говорах мокшанского языка – с утратой человеком души: *вáймозе лиссь* – ‘букв.: душа вышла из тела’, *вáймозе лись пóтмосон* – ‘букв.: душа испеклась внутри’.

В градационных отношениях с данными фразеологизмами находятся ФЕ, фиксирующие состояние сильной боли или состояние при смерти. Например, в русских говорах это значение выражают ФЕ *каткóм (кáтом, кóтом) катáться, вмертвё лежáть, в одну дышку дышáть* – ‘страдать от сильной боли’. В говорах мокшанского языка для обозначения сильной боли или состояния при смерти фиксируются ФЕ, которые имеют различные стилистически окрашенные конструкции: *сэди куцоняс ласьфти / мянь вáймось сяряди* – ‘до глубины души болит’, *кóнемс сэльмот* – ‘умереть (букв.: закрыть глаза от боли)’. Как показывает иллюстративный материал, такое состояние может соотноситься с перемещением в иной мир: *тумс мóда вáря пачк* – ‘букв.: уйти в подземный мир’, а поскольку земной путь человека окончен, утрачивается функциональное назначение ног, обуви: *вэнептэмс пилькт* – ‘умереть (букв.: протянуть ноги)’; *кéподемс вáри карьхень* – ‘букв.: поднять лапти вверх’; *óрадомс карьхень* – ‘букв.: развязать лапти’ и т. д.

В ряде ФЕ как в русском, так и в мокшанском языке отсутствует закрепление болезненных проявлений за какой-либо частью тела или одним органом. Например, в русских говорах: *знобь берёт (кого)* – ‘знобит’; в мокшанских говорах: *ись урмáсь кáлфты эсонза* – ‘эпилепсия мучает (его/ее)’; *урмáнь тáпаф (лóмань)* – ‘по отношению к парализованному человеку (букв.: болезнью придавленный)’. Отметим, что подобное отсутствие конкретизации в русских говорах чаще наблюдается во ФЕ, включающих в компонентный состав глаголы негативного физического воздействия **драть, резать, ломать, бить**: *драть дёркой, как ножом (ножáми) рэзать* – ‘о сильной боли’, *младэньческая ломáет* – ‘о приступе эпилепсии у детей’; *родíмец бьёт (кого)* – ‘кто-либо начинает биться в судорогах’: *Весь день зуп дирёт дёркый* (Нижняя Вязера, Инсарский район); *Палиц дёркый дирёт, нърывает он* (Атемар, Лямбирский район). В мокшанском диалектном ареале ФЕ также включают в свой состав стилистически нейтральные

глаголы, обозначающие физическое воздействие на объект: *кэромс* – ‘резать’, *тапамс/юводомс* – ‘ломать’, *шулгодемс* – ‘ломить’ и т. д. Например: *бъта пийъл’съ кир’ийт’* – ‘о сильной невыносимой боли (букв.: как ножом режут)’ (Атюрьево, Атюрьевский район).

Нарушения нормальной жизнедеятельности организма, болезни различных органов, частей тела репрезентируют такие ФЕ, в которых отражаются конкретные симптомы болезненного состояния того или иного органа человека. Как показывает проведенное исследование, наиболее представительны группы фразеологизмов, фиксирующих проявление симптома болезни в голове и груди. Симптоматику сильной головной боли в русских говорах отражает синонимический ряд ФЕ с соматизмом *голова*: *голова разв́ливается*, *голова растеря́лась*, *голова скáтывается* (у кого и без доп.) – ‘о сильной головной боли’; проявление головокружения выражено синонимическими ФЕ, одна из которых не является соматической: *голова перемётывается* (у кого) и *кры́ша трóнулась*. Очевидно, что перенос значения *голова* – *крыша* осуществляется по признаку места нахождения части объекта: верхняя часть тела человека – верхняя часть строения. Травма головы выражается посредством метонимического переноса *голова* – *мозги* в следующей ФЕ: *разб́ить мозги́* – ‘травмировать голову’.

В мокшанском языке не употребительны ФЕ, связанные с обозначением головной боли. Болезненное состояние головы носителями мокшанского языка соотносится с потерей рассудка, способности здраво мыслить, ср.: *пяс то́каф* – ‘по отношению к человеку, у которого проявляется болезнь головы (букв.: тронутый мозгами)’, *пяс пáлаф* (*лóмань*) – ‘о человеке, который не от мира сего (букв.: в голову целованный)’, *пярүйфтóма лóмань* – ‘по отношению к безумному человеку (букв.: человек без мозгов)’, *шáва кя́скафса тáяффтф* – ‘по отношению к человеку со странностями; придурковатый; недалекий (букв.: пустым мешком стукнутый)’, *ёнъда лисьф* – ‘по отношению к человеку со

странностями; сумасшедший (букв.: сошедший с ума)’, *ёжда мáштомс / ёньда мáштомс* – ‘сойти с ума’ / ‘потерять сознание (букв.: потерять ум)’, *лисемс ёньда* – ‘по отношению к человеку со странностями (букв.: сойти с ума)’ и др.

Проявление боли в груди представлено группой фразеологизмов, в которой лишь одна ФЕ содержит соматизм *грудь*: *грудь заклáло*. Такое же значение имеют фразеологизмы-синонимы *дух захватíло* (у кого), *дыхáнье завáливает*. Последняя ФЕ другим своим значением – ‘об одышке’ – входит в семантическую подгруппу, акцентирующую сему затрудненного дыхания: *ды́ху нет*, *и́нда дых не ды́шит* – ‘трудно дышать’; *как конь зáгнанный* – ‘тяжело, прерывисто (дышать)’. В мокшанском языке зафиксированы ФЕ *сэди куцю́нязон лáсьфти* – ‘до глубины души болит (букв.: довести до ложечки сердца)’, *ва́ймось пóтмозонза аф тья́лги* – ‘о человеке, у которого проявляются болезненные ощущения в груди (букв.: душа внутри тела не вмещается)’.

Конкретные симптомы болезненного состояния того или иного органа человека отражаются в соматических диалектных фразеологизмах. Так, утрату голоса вследствие простуды в русских говорах фиксирует ФЕ *глóтку завáлило*; начало насморка – *засмы́гать нóсом*; болезненное ощущение тяжести в носу передается ФЕ *нос заклáло*, болезненное ощущение в ушах – *ушáм тесно*; в руках – *ру́ки расхвátаются*, т. е. ‘напрягаются, придут в болезненное состояние’; в ногах (руках) – *навихáть нóги* (*ру́ки*); ФЕ *ру́ки* (*нóги*) *не владáют* передает симптом онемения – ‘руки (ноги) онемели, потеряли чувствительность от холода’. В русских говорах на территории Республики Мордовия выявляются ФЕ, в которых отражается: начало насморка – *засмы́гать нóсом*; болезненное ощущение тяжести в носу – *нос заклáло*, на губах – *кумохá окидáла* – ‘о появлении сыпи, гнойных ранок на губах в результате простуды’ и т. д.

В мокшанском языке ФЕ *ни́же марь кр́ганарьс* – ‘букв.: незрелое яблоко в

плотку' служит для номинации человека, у которого проявляются как болезненные ощущения в горле, так и плохое душевное состояние. На болезненные ощущения в глазах указывают ФЕ *сáразонь сéлье / няемс сáраз ла́ца* – 'о человеке, который плохо видит (букв.: глаза курицы / видеть, как курица)', *сóкор унжá* – 'о человеке, который плохо видит (букв.: слепой жук)'. В то же время глаза могут стать причиной болезни другого человека: *íнекуй сéлье* – 'о человеке, который может сглазить, навлечь болезнь (на кого-либо) (букв.: глаз гадюки)'. В смысловой структуре данных ФЕ отразились зооморфные представления человека, так как особенности какого-либо животного транспонируются на человека.

В говорах мокшанского языка выявляются конструкции со значением болевых ощущений в спине или шее: *ка́лафтoм казфт* – 'о человеке, у которого болевые ощущение в пояснице (букв.: сломать поясницу)'; *ка́лафтф ка́зфса а́лаша* – 'о человеке, у которого болит поясница (букв.: со сломанной поясницей лошадь)'; *ка́лада ма́ци* – 'о человеке, у которого болит поясница (букв.: со сломанной поясницей гусь)'; *вэ́ляфтф сýлдаз* – 'о человеке, у которого кособокая походка (букв.: сломанная шея)'. Для передачи болезненного ощущения в ушах употребляется ФЕ *ни́лефтoма (лóмань)* – 'о человеке, который совсем не слышит (букв.: человек без ушей)', в руках – *кя́ттне нóволихть* – 'когда руки после работы находятся в болезненном состоянии (букв.: руки ослабнут)', в ногах – *пáмс нильге лánгста* – 'быть в лежачем состоянии (букв.: упасть с ног)', 'когда после тяжелой работы ноги придут в болезненное состояние', *ни́льгонза аф úсксевихть* – 'о человеке, у которого еле ноги передвигаются (или из-за болезни, или после тяжелой работы) (букв.: ноги не волочатся)'. Распространены ФЕ с компонентом-соматизмом **язык**, употребляющиеся по отношению к человеку, который не может разговаривать, т. е. немому: *кóське кяль* – 'букв.: высохший язык', *юма́ф кяль* – 'букв.: потерянный язык', *сúскф кяль* – 'букв.: укушенный язык', *ни́лемс кяль* – 'букв.: про-

глотить язык'. Возникновение подобных ФЕ связано с необходимостью обозначить понятия, номинирующие человека с ограниченными возможностями.

Указание на расстройство желудка в русских говорах передает фразеологизм *живóт завязáлся*; семантически с ним связан фразеологизм, не содержащий соматизма: *слонёнка (слонёночка) родить* 'извергать (извергнуть) содержимое желудка, стоя на четвереньках'. В говорах мокшанского языка данное значение передается ФЕ *ка́лафтoм пéке/мóрсиец* – 'о человеке, у которого наблюдается расстройство желудка, опущение желудка (букв.: разорвать живот / порвать селезенку)'.

ФЕ в говорах мокшанского языка чаще всего представлены двухкомпонентными конструкциями, где компоненты, как правило, выражены знаменательными словами. Также выявляются конструкции, осложненные послелогом. Модели образования ФЕ: 1) глагол + существительное в различных падежах (чаще аблатив, инессив, элатив, иллатив), например: *пáмс нильге лánгста* – 'быть в лежачем состоянии (букв.: упасть с ног)', 'когда после тяжелой работы ноги придут в болезненное состояние', *ли́семс ёньда* – 'по отношению к человеку со странностями (букв.: сойти с ума)', *ма́штомс вийда* – 'ослабнуть, обессилеть (букв.: иссякнуть силами)' и т. д.; 2) существительное + существительное (абсолютная форма): *пóтма вай* 'о здоровом человеке (букв.: человек с внутренним жиром)', *тúма пря* 'о тупом бестолковом человеке (букв.: дубовая голова)', *тúла пря* 'о безумном человеке (букв.: голова-задвижка)'; 3) существительное в абессиве + существительное в номинативе: *пáряуйфтoма лóмань* – 'по отношению к безумному человеку (букв.: человек без мозгов)', *ни́лефтoма (лóмань)* – 'о человеке, который совсем не слышит (букв.: человек без ушей)'; 4) существительное в различных падежах (чаще генитив, аблатив, инессив, элатив, иллатив) + причастие: *урма́нь та́паф* – 'по отношению к парализованному человеку (букв.: болезнью придавленный)'; *ёньда лисьф* – 'по отношению к человеку со странностями (букв.: сошедший с ума)',

пряс пáлаф (лóмань) – ‘о человеке, который не от мира сего (букв.: в голову целованный)’; 5) прилагательное или причастие + существительное в номинативе: *шáва пря / шáва ёнь* – ‘букв.: пустая голова / пустая мысль’, *мáтраф пря* – ‘о заторможенном человеке (букв.: мятая голова)’, *юмáф кяль* – ‘по отношению к человеку, который не может разговаривать (букв.: потерянный язык)’; 6) наречие + причастие: *пýлес пиф* ‘о глуповатом человеке (букв.: недоваренный)’.

Выявлены конструкции, состоящие из трех и более компонентов: *óфтонь вёрда антф* – ‘о сильном человеке (букв.: человек, накормленный медвежьей кровью)’; *аф вáрма сýканя лáфтувонзон лánгса* – ‘букв.: не ветренный кувшин на плечах носит’, *вáрма сýканянь кáнни* – ‘по отношению к глупому, ветренному человеку (букв.: носит ветренный кувшин (о голове человека))’, *эсь/ись урмáнь тáпаф* – ‘о человеке, болеющем эпилепсией (букв.: болезнью придавленный)’; *шáва кýскафса тáяфтф* – ‘по отношению к человеку со странностями; придурковатый; недалекий (букв.: пустым мешком стукнутый)’. В некоторых случаях значение ФЕ в мокшанском языке представляется целыми пословицами или поговорками, ср.: *аф шýжярь аф*

пéнгя, аф лéвож аф лéнгя – ‘по отношению к человеку, у которого непонятное состояние или из-за болезни, или из-за др. (букв.: ни солома ни полено, ни тряпка ни лыко)’; *аф эрек аф кýла* – ‘обессиленный от болезни (о человеке) (букв.: ни живой ни мертвый)’ и т. д.

В русских и мокшанских говорах наблюдается сходство в компонентном составе – наличие соматизмов. Наиболее часто в сопоставляемых говорах представлены ФЕ с соматизмами *голова, лицо, руки, ноги*.

Заключение

Таким образом, сопоставительный анализ вышеуказанной репрезентативной фразеосемантической группы показывает, что любые изменения в состоянии здоровья человека фиксируются в народном сознании и находят отражение в диалектной фразеологической картине мира. Большую группу в исследуемых говорах составляют компаративные фразеологические единицы. В русских и мокшанских диалектах на территории Республики Мордовия в основу номинации здорового или больного, умного или глупого человека кладутся ассоциативные сопоставления с тем или иным представителем животного мира, растением, предметом быта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко Е. И., Фатеева Ю. Г. Идиомы со значением здоровья-нездоровья в контексте русской фразеологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 107–111.
2. Архипова Н. Г. Концепт «Болезнь» в наивной картине мира носителя диалекта // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2002. № 16. С. 78–81.
3. Архипова Н. Г. Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. материалов Междунар. науч. конф. Благовещенск, 2001. Т. 1. С. 169–175.
4. Вельмезова Е. В. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере

- восточнославянских, чешских и французских заговоров) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 50–60.
5. Ганцовская Н. С. Народно-медицинская лексика в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров, 1993: (Материалы и исслед.). СПб., 1994. С. 77–81.
 6. Гришунина В. П., Ершова Н. И. Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 224–232. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
 7. Ильина Е. Н. Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края // Севернорусские говоры. СПб., 2015. Вып. 14. С. 250–266.
 8. Левина М. З. Из истории классификации диалектов мокшанского языка // Финно-угорский мир. 2015. № 3. С. 24–35.
 9. Лоскутова Д. Н. Этнолингвистический аспект изучения темы «Народная медицина» (на примере заболевания *сибирская язва* в тамбовских говорах) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 8. С. 210–214.
 10. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М., 2019. С. 40–41.
 11. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Междунар. конф. М., 2018. С. 163–166.
 12. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Репрезентация семантического поля «болезнь человека» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 45–66. DOI: 10.17223/19986645/75/3.
 13. Меркулова В. А. Народные названия болезней, III (На материале русского языка) // Древнерусский язык. Лексикология и лексикография: сб. науч. ст. М., 1980. С. 168–184.
 14. Нечаева Л. С. Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1. С. 12–20.
 15. Никончук С. М. Традиционная медицина в народной культуре славян // Русский вопрос: история и современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2007. С. 363–367.
 16. Патаева В. Д. Лексика народной медицины в тункинском говоре бурятского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 26–30.
 17. Пашкова Т. В. Названия некоторых мифологических заболеваний по данным карельского языка // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 47–54.
 18. Трафименкова Т. А. Семантический способ образования медицинских терминов, обозначающих названия болезней // Аспирант и соискатель. 2006. № 5. С. 45–46.

Поступила 14.03.2022; одобрена 21.03.2022; принята 25.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. Ю. Маслова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, al_mas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>

Т. И. Мочалова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

М. З. Левина – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, lev.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7808-2187>

Representation of the morbid state of a person in the phraseology of the Russian and Moksha dialects on the territory of the Republic of Mordovia

Alina Yu. Maslova
Tatiana I. Mochalova
Mariia Z. Levina

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The paper considers phraseological units that characterize the morbid state of a person in Russian and Moksha dialects on the territory of the Republic of Mordovia. The purpose of the study is to present the semantic characteristics of dialect phraseological units, analyze their component composition, and identify axiological and cultural-historical ideas of dialect speakers in the region.

Materials and Methods. Various techniques and research methods were used in the work: a descriptive method, a comparative method, a method of component analysis, a method of contextual analysis, a method of linguistic and cultural interpretation. The study was conducted on the material of phraseological dictionaries of Russian dialects of the Republic of Mordovia and the Mordovian (Moksha and Erzya) languages.

Results and Discussion. The study found that in the Russian and Moksha dialects of the Republic of Mordovia there are stable combinations known from ancient times, which name diseases and their symptoms, various painful conditions of a person. It was revealed that the languages of different types use phraseological units, which include somatisms, zoonyms, phytonyms, names of various objects, which reflects the features of a person's figurative thinking, associative perception of the surrounding reality. A comprehensive study of phraseological units that characterize the morbid state of a person in the languages of different types on the territory of one region contributes to the comprehension of folk mentality, revealing the specifics of the national linguistic picture of the world of the Russian and Mordovian peoples, and allows us to trace the general and specific features of the linguistic community.

Conclusion. The results of the study indicate that phraseological units are actively used in the compared dialects of the Russian and Moksha languages, denoting a person's morbid condition and representing the characteristic features of the image of the disease in different cultures.

Keywords: phraseology, phraseosemantic group, phraseological unit, meaning, dialects, Moksha language, Russian language, comparison, disease, nomination

For citation: Maslova AYu, Mochalova TI, Levina MZ. Representation of the morbid state of a person in the phraseology of Russian and Mordovian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:160–170. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.160-170.

REFERENCES

1. Aleshchenko EI, Fateeva IuG. Idioms with meaning of “health – ill health” in Russian phraseology. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2018;2:107–111. (In Russ.)
2. Arkhipova NG. The concept of “Disease” in the naive picture of the world of a native speaker. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2002;16:78–81. (In Russ.)
3. Arkhipova NG. Lexical features of the names of ailments in the Russian dialects of the Amur region as a result of inter-dialect interaction. *Rossiiia i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf.* = Russia and China on the Far Eastern frontiers. Collection of materials of the International scientific conference. Blagoveshchensk; 2001;1:169–175. (In Russ.)
4. Vel'mezova EV. The semantics of the space of a healing spell: toward a typology of formulas for referring a disease (on the example of East Slavic, Czech and French spells). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* = Moscow University Philology Bulletin. 1999;4:50–60. (In Russ.)

5. Gantsovskaia NS. Folk medical vocabulary in Kostroma dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov, 1993: (Materialy i issled.)* = Lexical atlas of Russian folk dialects, 1993: (Materials and research). Saint-Petersburg; 1994:77–81. (In Russ.)
6. Grishunina VP, Yershova NI. Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:224–232. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
7. Il'ina EN. The concepts of health and disease in the speech of inhabitants of the Vologda region. *Severnorusskie govory* = Northern Russian dialects. Saint-Petersburg; 2015;14:250–266. (In Russ.)
8. Levina MZ. From the history of classifications of Moksha dialects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;3:24–35. (In Russ.)
9. Loskutova DN. Ethno-linguistic aspect of studying the folk medicine theme (based on the example of the *anthrax disease* in Tambov dialect). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series: Humanities. 2009;8:210–214. (In Russ.)
10. Maslova AYU, Mochalova TI. Names of the morbid condition of a person in Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': VI Mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo iazyka: tr. i materialy* = Russian language: historical destinies and modernity: VI International Congress of Russian Language Researchers. Works and materials. Moscow; 2019:40–41. (In Russ.)
11. Maslova AIU, Mochalova TI. Representation of the morbid state of a person in the phraseology of Russian dialects of the Republic of Mordovia. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: materialy Mezhdunar. konf.* = Actual problems of Russian dialectology. Proceedings of the International conference. Moscow; 2018:163–166. (In Russ.)
12. Maslova AYU, Mochalova TI. Representation of the semantic field “human disease” in the Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Tomsk State University Journal of Philology. 2022;75:45–66. (In Russ.). DOI: 10.17223/19986645/75/3.
13. Merkulova VA. Popular names of diseases, III (Based on the Russian language). *Drevnerusskii iazyk. Leksikologiya i leksikografiya: sb. nauch. st.* = Old Russian language. Lexicology and lexicography. Collection of scientific articles. Moscow; 1980:168–184. (In Russ.)
14. Nechaeva LS. The concept “disease” in traditional culture (on the lexics of Perm region spoken dialects). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2010;1:12–20. (In Russ.)
15. Nikonchuk SM. Traditional medicine in the folk culture of the Slavs. *Russkii vopros: istoriia i sovremennost': materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Russian question: history and modernity. Materials of the VI International scientific and practical conference. Omsk; 2007:363–367. (In Russ.)
16. Pataeva VD. Traditional medicine vocabulary in Tunka dialect of Buryat language. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. 2009;10:26–30. (In Russ.)
17. Pashkova TV. The names of some mythological diseases according to the Karelian language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;3:47–54. (In Russ.)
18. Trafimenkova TA. A semantic way of forming medical terms denoting the names of diseases. *Aspirant i soiskatel'* = PhD student and applicant. 2006;5:45–46. (In Russ.)

Submitted 14.03.2022; reviewing 21.03.2022; accepted 25.03.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. Yu. Maslova – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, National Research Mordovia State University, al_mas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>

T. I. Mochalova – Cand. Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Russian Language, National Research Mordovia State University, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

M. Z. Levina – Cand. Sc. {Philology}, Associate Professor, Mordovian Languages Department, National Research Mordovia State University, lev.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7808-2187>